

**МАКРОКОНТЕКСТ:
К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА**

Е. Е. Хазимуллина

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа
lenahk@gmail.com

Ю. С. Фомина

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа
ufom@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пределы лингвистической компетенции эксперта, выявляется роль макроконтекста при анализе конфликтогенных текстов. На основе множества проведенных лингвистических и комплексных экспертиз, с применением различных методов исследования (в т. ч. дискурс-анализа, контекстуального, лингвопрагматического, лингвосемиотического анализа и др.) постулируется, что лучшему результату исследования текстов со скрытой семантикой способствует экспертная компетенция, т. е. опыт работы специалиста с разнообразными текстами конкретных экстремистских и террористических организаций, знание их идеологии, особых идеологем, принципов вовлечения. Именно лингвоэкспертная компетенция позволяет адекватно учитывать социально-политический дискурс, макроконтекст, в котором осуществляется коммуникация и который предопределяет скрытое содержание, актуализирует намерения автора, его установки на речевое воздействие.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, дискурс-анализ, контекстуальный анализ, компетенция, скрытая семантика, макроконтекст, стратегии и тактики, интенция, вовлечение, идеологема, экстремизм.

**Macrocontext:
to the question about the borders
of the linguistic competence of the court expert**

Е. Е. Khazimullina

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa
lenahk@gmail.com

Yu. S. Fomina

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa
ufom@mail.ru

Abstract. The article discusses linguistic competences necessary for court experts, addresses the role of macrocontext in analyses of conflictogenic texts. A forensic linguist does not have to be a lawyer by education. They must, however, be well aware of the subject matter at hand (including language structure, its functioning, its connection with thinking and behavior of individuals and society, interaction between linguistics and other sciences, linguistic methodology) and carefully build their phrases with regard to their legal responsibility.

The article, building on quite a number of linguistic and multi-discipline analyses, including discourse analysis, contextual, linguo-pragmatic, linguo-semiotic analysis, etc., postulates that expert competence (experience of working with various texts by specific extremist or terrorist organizations, awareness of their ideology, specific ideologemes, principles of recruitment) contributes to the best results of studying texts with hidden semantics. It is lingvo-expert competence that makes it possible to take adequately into account the socio-political discourse, the macrocontext of the communication studied which predetermines the hidden content, sheds light on the author's intentions and his/her speech impact intent. Macrocontext is known to affect both speech generation and perception. In particular, the communicative and pragmatic intent of texts includes "implicit context" associated with its author's knowledge of the listener's competences, important for intensifying the intended speech impact.

When analyzing religious and political or purely political texts, the linguist-expert must take into account the propositional, cognitive, and discursive aspects of statements.

It is impossible to adequately assess transmitted content with incentive pathos without knowledge of ideologemes underlying speech clichés characteristic of certain organizations' rhetoric. If the meaning

of statements is unclear within a narrow context (microcontext), the expert must look for other supports to endure their understanding and interpretation. Otherwise, the expert risks missing the gist of manipulating meanings, which are clear for those “initiated” and produce a programmed impact on them.

Keywords: forensic linguistic expertise, discourse analysis, contextual analysis, competence, hidden semantics, macrocontext, strategies and tactics, intention, involvement, ideologem, extremism.

1. Введение

Проблема границ лингвистической компетенции в судебной экспертизе является традиционно дискутируемой: с одной стороны, лингвисты стараются более строго определить круг допустимых вопросов, объектов анализа и подходов, с другой — практика реальных исследований и, в особенности, характер речевого материала подталкивают экспертов к пересмотру априорно принятых положений. Авторитетным, но мало реализуемым представляется требование, сформулированное Е. И. Галяшиной: для анализа и интерпретации высказываний экстремистского характера, в т. ч. ксенофобной направленности, необходима не только лингвистическая, но и юридическая квалификация специалиста [Галяшина 2006]. Такой подход обусловлен осторожностью, продиктованной: 1) нетождественностью лингвистических и юридических понятий, терминов (сложность их соотношения показана в работах М. Е. Воробьевой, Н. Д. Голева, В. И. Жельвиса, В. Б. Исакова, Н. Б. Исолахти, Е. Л. Ключниковой, Н. Б. Лебедевой, Д. И. Милославской и др., см. [Юрислингвистика-2 2000; Юрислингвистика-9 2008]); 2) практикой судов, опирающихся на лингвистическую экспертизу как на доказательство, устанавливающее истинное положение дел и реальные мотивы совершения правонарушений.

Экспертов, имеющих квалификацию лингвиста и юриста одновременно, крайне мало (в противном случае лингвисты могли бы заменить собой юристов). Вместе с тем думается, что это вовсе не обязательно: лингвисту, проводящему лингвистическое исследование, достаточно хорошо знать свой предмет — устройство языка, особенности его функционирования, связи с мышлением и поведением человека, общества, взаимодействие языкознания с другими

науками, его методологию — и тщательно выверять используемые формулировки, ясно осознавая меру своей ответственности (см. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также рассуждения Е. А. Чубиной о «лингво-правовой компетенции» [Чубина 2016], Е.Л. Ключниковой — о «юрислингвистических» терминах [Ключникова 2017]). При этом важно иметь в виду, что лингвист не должен отвечать на правовые вопросы, связанные с оценкой деяния и входящие в компетенцию суда. В частности, перед ним «не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [Постановление 2011].

2. Постановка проблемы

В монографии К. И. Бринева очерчивается круг возможных вопросов и объектов лингвистической экспертизы [Бринев 2009]. С некоторыми из этих ограничений вряд ли можно согласиться: лингвист лишь описывает речевой акт призыва, но содержание призыва он устанавливать не должен (есть ли призыв к захвату властных полномочий, насильственному изменению конституционного строя, см. с. 58, 146 указанного источника). Если общая задача лингвистических экспертиз — установление семантики высказываний, а призыв — это особый жанр высказываний, то возникает вопрос: кто должен устанавливать семантику призыва как важнейшего элемента речевого акта? Необходимость описания содержания призывных действий резонно подчеркивается в [Баранов 2013: 450–475; Бельчиков и др. 2010: 90; Теоретические и методические основы 2011: 134], ведь именно на этой основе следствием и судом оценивается противоправность речевого деяния.

Отметим также, что нередко исключенные из рассмотрения призывы в спорных текстах выражены недвусмысленно, в формулировке, совпадающей с юридической и / или политологической, например¹: *Самыми важными принципами являются следующие:*
1. Свержение режима со всеми его структурами и персонами.
2. Освобождение от государств неверия и пресечение их влияния.

---

¹ В примерах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

3. *Установление государства Халифат по методу пророчества; Обращаясь к радикалам и к тем кто готов действовать, мы не сторонники Y-а и Z-а, мы просто те которые хотят действовать и мы решили формировать отряды по городам чтобы в час X объединятся, если вы готовы действовать и хотите **свергнуть режим**; ...просто начинаем хаос, создаем параллельное **правительство** и **объявляем оправдание терроризма с перманентной войной до полного уничтожения**; ...серия **терактов** должна внезапно начинаться, быстро исполнять свою пропагандистскую функцию и также внезапно заканчиваться... Провокационный **террор**... **Террор** несущий своей задачей **инициацию** каких-либо необходимых **революционному Движению** процессов в государстве, посредством искусственного обострения внутривнутриполитических противоречий и **разжигания розни между определенными слоями общества**.*

Закономерно, что лингвисты соотносят выражаемое в экстремистских текстах побуждение с диспозициями соответствующих статей УК [Баранов 2013: 450–475; Хазимуллина 2016: 456; Громова 2018: 212, 214], ясно осознавая, какое именно содержание носит конфликтогенный характер и представляет интерес для следствия и суда. О. С. Иссерс и Н. В. Орлова в этом плане идут еще дальше и ставят перед экспертами задачу реконструкции речевых признаков «вовлечения в экстремизм» [Иссерс, Орлова 2017: 132–133], что, как ни странно, оказывается применимым для ряда соответствующих контекстов, ср., например: *Эта книга не содержит в себе экстремистские материалы, не призывает совершать противозаконные вещи и сопротивляться системе. Книга создана для ознакомления с... Шучу) Вы сами уже большие и сами понимаете для чего эта книга и как ее использовать.* Автор квалифицирует собственные речевые действия как экстремистские и вовлекает читателей в *вещи*, называемые им *противозаконными*. В таких случаях лингвистам, памятуя о Постановлении [Постановление 2011], остается лишь делать соответствующие оговорки: юридическая квалификация осуществлена в самом тексте.

Особенно полезной для суда является помощь специалистов по интерпретации речи (есть ли призывы / другие виды побуждения? к каким конкретно действиям?) в случаях вуалирования конфликтогенного содержания с помощью подстрекательства, инструкции, совета, мольбы, угрозы, намека и других жанров, аранжированных религиозными и иными терминами, см.: *Аллах даст*

нам даже **желаемые** вещи: процветание в этом мире, помощь, успех и победу над врагами. Аллах **требует** от нас две вещи. **Первое**, это уверовать в Аллаха и Его Посланника. **Второе**, это вести **джихад** своими душами и имуществом на пути Аллаха. Взамен этого Аллах Та'ала **гарантирует** нам две вещи... В этом мире — свою помощь и успех. **Первое**, что от нас **требуется** — это **иман**. Очевидно, что и **цель нашей работы** такая же, чтобы **получить** богатство **истинного имана**. **Второе**, что от нас **требуется**, — это **джихад**. Хотя, в сущности, **джихад** — это сражение и война с неверными, но на самом деле **цель джихада** есть также **возвышение слова Аллаха, установление Его приказов и приведение их в действие**. Это и есть **основная цель нашего движения**. <...> И когда мы **доведём эту работу до конца**, то есть уверуем в Аллаха и Его Посланника, и, **усердствуя на Его пути, украсим себя праведными делами**, тогда мы станем **достойными царства и наместничества на всей земле**, и нам **дадут власть и управление**; Аллах, **мы просим тебя, объедини нас всех так же, как и сегодня, в райских садах**. Аллах, **мы просим тебя, окажи помощь в ближайшем времени мусульманам Сирии и всем мусульманам**. Аллах, **сделай нас свидетелями того, как возродится то общество, которым будет править так же, как это, а-а, и жить по законам Аллаха, по тем законам, как это было во времена Пророка, салляллаху ва саллям**. Аллах, **сделай нас источником того, как ислам донесется до всех уголков мира**. Описание семантики подобных высказываний — достаточно распространенная экспертная задача, но ее решение невозможно в рамках узкого понимания пределов лингвистической компетенции, которая участниками судебного процесса может трактоваться исключительно как знание значений и правил употребления узуальных единиц языка, причем лишь исконно русских.

М. В. Батюшкина к профессиональным компетенциям эксперта-лингвиста относит не только лингвистическую, но и экспертную компетенцию. Лингвистическая компетенция подразделяется ею на языковую и речевую, а экспертная — на «теоретическую (совокупность знаний о лингвистической экспертизе) и практическую (совокупность умений, приобретенных на основе опыта экспертной деятельности в определенной сфере: правотворческой, правоприменительной или судебной)» [Батюшкина 2016: 228]. Данный подход не лишен оснований: те лингвисты, которые активно работают

в области судебной экспертизы, хорошо знают тематическое разнообразие и множественность форм конфликтогенного материала, имеют возможность отслеживать речевые тенденции, применяемые говорящими стратегии и тактики ухода от правовых рисков; более полному извлечению ими смысла способствует предшествующий опыт понимания и интерпретации подобных текстов. Он же подталкивает лингвистов к поиску новых решений и методик анализа, с тем чтобы оказать реальную «помощь... для предотвращения... и пресечения проявлений словесного экстремизма», как это заявлено в [Галяшина 2006: 20].

А. Н. Баранов, апеллируя к практике исследований, справедливо отмечает: «Проблемы, обсуждаемые в лингвистических экспертизах, игнорируют междисциплинарные рамки, причем не только внутри лингвистики, но и между различными науками... Лингвистические экспертизы очень часто оказываются головоломными задачами, требующими от лингвиста владения самыми различными навыками — от семантического анализа слова до семиотической интерпретации взаимоотношения текста с изображением и исследования особенностей использования гарнитур в товарных знаках» [Баранов 2013: 554]. Креолизованные тексты могут включать в себя также музыкальное сопровождение, видеоряд, «body language», дискурс — разнообразные неязыковые условия общения, влияющие на содержание речи. В сложных случаях адекватность решения экспертной задачи зависит от развитости смежных отраслей лингвистики (психо-, социолингвистики, лингвосемиотики, коммуникативной, политической, дискурсивной лингвистики, прагма-, паралингвистики, лингвистической мотивологии и др.), осведомленности о них конкретного исследователя.

3. Методы исследования

Результаты данного исследования были получены посредством применения к обширному конфликтогенному речевому материалу следующих методов:

1) дискурс-анализ был направлен на более точную интерпретацию результатов порождения и понимания речи в конкретных социально-политических, культурно-исторических, психологических условиях коммуникации, в которых говорящие определенным образом означивают действительность, реализуют свои роли, намерения,

оказывают воздействие на мысли, чувства, поведение друг друга и которые обуславливают содержательные, жанрово-стилевые, языковые и иные особенности текста в его соотношении с другими текстами (интертекстуальный анализ);

2) контекстуальный анализ использовался для описания высказываний (текстов) как продуктов речевой деятельности говорящих, включенных во взаимодействие с другими людьми, в социально-политический, культурно-исторический контекст, в конкретную сферу и ситуацию общения. Широкий контекст способствует более объемной реконструкции содержания текста, выявлению его имплицитных смыслов и функций;

3) лингвопрагматический анализ применялся для характеристики прямых и косвенных речевых актов, определения замысла говорящих, явных и скрытых коммуникативных намерений (интент-анализ), эксплицитных и имплицитных смыслов, эффективности воздействия на адресата речи с учетом затекста, пропозиций и пресуппозиций, применяемых стратегий и тактик речи;

4) смысловая значимость количественных характеристик исследуемых явлений оценивалась посредством контент-анализа;

5) использовались также лексико-семантический, логико-грамматический анализ, методы семантического, тематического поля, лингвостилистический и лингвосемиотический анализ.

4. Результаты исследования

Опыт проведения лингвистических и комплексных, лингвистико-религиоведческих и / или психологических, политологических, исторических, экспертиз приводит нас к пониманию необходимости учета макроконтекста при интерпретации речевого смысла текстов экстремистской и террористической направленности. Мы скептически относимся к идее детального описания, а тем более — оценки идеологии религиозных и / или политических организаций, как это предлагается в коллективной монографии [Экстремистский текст 2014: 35–75]. Выход лингвиста за пределы своей компетенции имеет место тогда, когда он «решает вопросы, не относящиеся к предмету экспертизы, например, вопросы политологии и религиоведения, социальной психологии» [Галяшина 2006: 75]. Однако нельзя не согласиться с авторами [Экстремистский текст 2014] в том, что лингвист, нацеленный на точное, исчерпывающее

описание речевого материала, должен вникать в идеологию подобных организаций, учитывать их так называемые «базовые тексты».

Наша экспертная компетенция показывает, что организации, которые имеют большой опыт вовлечения adeptов и нацелены на решение таких глобальных задач, как свержение строя, образование новых государств, обеспечение господства какой-либо религии, социальной, национальной, расовой группы, распространяют хорошо продуманные учебные комплексы, включающие в себя обязательную для поэтапного изучения литературу и иные материалы, с интертекстуальными отсылками в виде специфической лексики и фразеологии, точечных цитат, намеков и т. п. Они применяют особые приемы речевой конспирации, направленные на: 1) снижение правовых рисков; 2) вуалирование смыслов, которые не должны быть доступны adeptам на ранних этапах их вовлечения («якорения») в деятельность этих организаций (см. об этом [Хазимуллина 2016]). Ср. наблюдение В. А. Мишланова: «...идеологическая нетерпимость ныне меняет речевой облик. Вместо пропагандистской фразеологии (в стиле передовиц советских партийных газет), гневного обличения инакомыслия в тексте могут быть какие-нибудь внешне нейтральные зарисовки, притчевые аллегории, литературные реминисценции. Говорящий, создавая текст, может использовать не только языковые знаки (в их первичных или вторичных значениях), но и, так сказать, семиотику вещей» [Мишланов 2012: 67]. Это и есть «косвенно выраженная побудительность», по терминологии О. С. Иссерс.

Таким образом, лингвист-эксперт не может не учитывать более широкий контекст (по сути когнитивный, коммуникативно-прагматический и шире — дискурсивный аспекты существования высказываний, пропозицию) при анализе религиозно-политических или же собственно политических текстов. Без опоры на идеологемы, выражаемые речевыми клише, характерными для риторики тех или иных организаций, невозможно адекватно определить передаваемое содержание, обладающее побудительным пафосом. Сходную позицию занимают новосибирские эксперты [Исследование и экспертиза экстремистских материалов 2011: 122–123] (см. также [Иссерс, Орлова 2017: 133; Теоретические и методические основы 2011; Мишланов, Салимовский 2015: 88–90; Резепин 2015: 76–77]). Если смысл высказываний неясен в пределах узкого контекста (микроконтекста), необходимо искать иные опоры для

их понимания и интерпретации. В противном случае эксперт упускает множественные факты манипулирования смыслом, которые считаются «посвященными» и производят на них запрограммированное воздействие.

Важность учета факторов, влияющих на смыслообразование, выразилась в науке в синонимичных обозначениях реалий, стоящих за словесными знаками: понятия вертикального контекста, или фоновых знаний, в трактовке О. С. Ахмановой, И. В. Гюббенет [Ахманова, Гюббенет 1977: 49], экстралингвистического контекста [Колшанский 1980: 76–77], социального контекста [Halliday 1985: 192], пресуппозиции [Звегинцев 2001; Падучева 2002], экстралингвистических параметров текста, по Л. Г. Бабенко [Бабенко 2004: 52–61], дискурсивного контекста [van Dijk 2000, 2014; Мощанская 2014: 29–30], глобального контекста [Черезова 1985: 161; Анисимова 2016: 60; Доминикан 2017: 127] или же коммуникативного контекста, который складывается из лингвистического, ситуативного, психологического, паралингвистического контекстов и контекста культуры (см. [Мыркин 1978: 97]). Филологам хорошо известно, что макроконтекст влияет не только на порождение, но и на восприятие, интерпретацию речи: текст (и в особенности агитационно-пропагандистский, с ярко выраженной фатической функцией), в силу его коммуникативно-прагматической обусловленности, включает в себя так называемый «имплицитный контекст» (понятие Т. Слама-Казаку, цит. по [Мощанская 2014: 30]), установку автора на учет компетенции слушателя, в частности всего того, что «слушатель знает о говорящем субъекте».

Такая информация «существует независимо от исследователя и обеспечивает выражение истинного смысла речевого акта (т. е. референцию, интенцию и модальность высказывания)» [Мыркин 1978: 97]. Дейктическая природа языковых знаков помогает сжать, «упаковать» и репрезентировать тот фрагмент картины мира, который необходим для реализации целенаправленного воздействия; читатель же «распаковывает» скрытое содержание с опорой на 1) интенциональную заданность подтекста и 2) фоновые знания: а) собственные, б) выражаемые в тексте (см., к примеру, прием навязываемых пресуппозиций, описанный А. Н. Барановым). Таким образом, «кодирование и декодирование — комплементарные процессы: кодирование необходимо включает предполагаемое декодирование» [Роммтейт 1972: 55]. Это базовые законы порождения

и понимания текста. И эксперт, ограниченный узкими пределами «лингвистической компетенции» (= узким контекстом), оказывается в искусственной ловушке, лишаящей его возможности правильно решить свою исследовательскую задачу: дать исчерпывающее описание конфликтогенного феномена в соответствии с современным уровнем развития науки.

Макроконтекст выступает компенсирующим фактором, обеспечивающим адекватность восприятия скрытой, в т. ч. намеренно вуалируемой информации. Эта традиционная категория филологии понимается в данном случае как социально-политическая, дискурсивная ситуация, в которой создается и воспринимается конфликтогенный текст. Макроконтекст предполагает наличие пресуппозиции как суммы затекстовых знаний коммуниканта, позволяющих в той или иной мере полно воспринимать заданный смысл высказывания. В экстремистском печатном, аудио- и видеотексте значимыми являются политический, религиозный, идеологический, экономический, исторический, социокультурный, ситуативный, психологический и паралингвистический элементы макроконтекста.

Объективными маркерами целенаправленной инклюзии таких в полотно текста выступают:

1) контраст информационных потоков — внешнего и подтекстового (см. описание в [Коломейцева 2012], к примеру, в заявленное изначально рассуждение о содержании хадисов или религиозных обрядов могут вклиниваться комментарии по поводу несправедливости существующей власти, социальных отношений, процветания ушедшего в небытие Халифата и упадка «кафирской» цивилизации, необходимости изменений); такой контраст может быть выражен также в противопоставленности значений, стилистической маркировки используемых средств;

2) многократный повтор единиц, составляющих базовый идеологический, религиозно-политический тезаурус и скрыто, пошагово репрезентирующих программу деятельности той или иной экстремистской / террористической организации, например: *усердно читать дуа — объединиться в команды, группы / сплотиться — овладеть исламским образом мыслей, становиться исламской личностью, работать — бороться, вести политическую и идеологическую борьбу — возродить исламский образ жизни посредством джихада душой и телом — жить по законам шариата, процветать, как это было во времена Посланника Аллаха;*

3) компоновка постоянного набора высказываний, оформленных как цитаты из религиозных источников, нередко — в одной и той же последовательности (при этом даже истинные хадисы в религиозно-политической литературе используются во вторичной, измененной функции; данное наблюдение согласуется с [Мишланов, Салимовский 2015: 88]);

4) употребление особых идеологем как средств уплотнения информации, интертекста, а также эвфемизации речи в целях снижения правовых рисков (см. [Осадчий 2016: 180]): *истинный / искренний мусульманин, выполнять приказы и требования Аллаха, жить по законам шариата, возобновить исламский образ жизни, претворять ислам полностью, практическое применение ислама, (партийное) сплочение, по методу Пророка, политическая / исламская личность, исправлять недостатки других людей, изменение порочной реальности, нести руководство ислама другим людям* и т. п.;

5) оговорки (в аудио- и видеозаписях): *...стремиться к тому, чтобы вер... соблюдать эти законы, возродить эти законы так, как это было во времена Посланника Аллаха* (восстанавливается речевой смысл 'вернуть Халифат; работать над восстановлением Халифата'); *Но нет же — люди стали... править, будем всегда думать сами, жить, как хотели* ('люди отказались от исламского государства, шариатского правления; разрушили Халифат');

6) применение специальных речевых стратегий и тактик (манипулятивной апелляции к «экспертному мнению» и ценностям, значимым для религиозного сознания мусульман, к примерам успешной реализации призывных действий, к положительной оценке желательных для говорящего действий и отрицательной — их отсутствия, нереализованности и др.), использование косвенных жанров — призыва-мольбы (с обязательным социально-политическим компонентом (само)побуждения), одобрения, осуждения, увещевания, устыжения, угрозы, обещания вознаграждения и др.

Наиболее частотные стратегии, применяемые в конфликтогенных текстах, — это воздействие, информирование и пропаганда, которые в конечном итоге направлены на вовлечение других людей в деятельность экстремистских и террористических организаций посредством изменения мышления и поведения вовлекаемых (в определенном политическом дискурсе и, соответственно, макроконтексте). Данные стратегии реализуются с помощью тактик коррекции картины мира, рефрейминга и т. п., например, с помощью

внедрения в сознание вовлекаемых новых понятий, выражаемых специальной терминологией, — идеологем. Как правило, риторика конкретных террористических и экстремистских организаций имеет специфический набор таких идеологем. Он может служить идентификатором того, в какую именно организацию осуществляется вовлечение (мы раскроем данную тему в последующих публикациях).

Идеологемы по своей природе имеют отсылочный характер, это «многоуровневые концепты», которые адресуют читателя, зрителя, слушателя к ряду определенных идейных, социальных, политических установок и обладают оценочной коннотацией, а также функцией воздействия (по [Михальская 2018]). Идеологемы объективируются в словах, синтаксических конструкциях и, в случаях их использования в тактике рефрейминга, представляют собой незначительное варьирование базовых категорий, религиозных, политических и др. понятий, которое, в силу наличия в них особой отсылки к макроконтексту, переводит их в разряд речевых деликтов, ср.: *мышление* — **озаряющее мышление** ('просвещенное в духе идеологии террористической партии «Хизб ут-Тахрир»'); *мусульманин* — **искренний мусульманин** ('работающий над установлением Халифата, в т. ч. в рядах партии «Хизб ут-Тахрир»'); *личность* — **исламская / политическая личность** ('просвещенная в духе идеологии партии «Хизб ут-Тахрир» и работающая над установлением Халифата в ее рядах'); *исламский призыв* — **носитель исламского призыва** ('член партии «Хизб ут-Тахрир», который осуществляет идеологическое просвещение других людей в целях установления Халифата по методу этой партии'); (*исповедовать*) *ислам* — **претворять ислам (практически), претворять ислам полностью** ('работать над установлением Халифата по методу партии «Хизб ут-Тахрир» — посредством политической борьбы и вооруженного джихада'); *Пророк* — **по методу Пророка** ('работать над установлением Халифата по методу партии «Хизб ут-Тахрир»: посредством сплочения мусульман, исламского призыва, политической борьбы и вооруженного джихада'); «*Халифат*» — **«работать над установлением Халифата»** ('осуществлять политические действия согласно идеологии партии «Хизб ут-Тахрир» в целях установления всемирного Халифата'); «*сплочение*» — **«партийное сплочение»** ('объединение мусульман в рядах террористической партии «Хизб ут-Тахрир»'); «*лечить людей*»

— «лечить людей **Кораном**» (‘осуществлять исламское просвещение / просвещение в духе идеологии террористической партии «Хизб ут-Тахрир» в целях избавления людей от неверия, другой веры’) и т. д.

Более сложной для лингвоэкспертного анализа представляется стратегия вуалирования, которая может быть реализована тактиками эвфемизации, намека, умолчания, неточности или даже противоречивости изложения и др. Без знания макроконтекста (в частности, базовых текстов той или иной экстремистской либо террористической организации, принципов их речевого вовлечения, инструкций) адекватная дешифровка содержания в таких случаях невозможна. См., к примеру, следующие контексты: *Мы должны чувствовать, что мы заместители Пророка; Для этого нам необходимо освоить тот метод, который предводитель пророков и посланников использовал для исправления многобожников Аравии; ...является путём для тех, кто хочет быть политиком и работать для установления государства Халифат (короны всех фардов), который полноценно преворит Ислам; И только тогда мусульмане начнут развиваться и понесут Ислам ко всему миру путём призыва и джихада; ...так же будет продолжаться и хиджра, куда входит оставление своей родины для распространения религии, ее изучения и защиты* (см. примеры инструкций по вовлечению, реализованных посредством вуалирования конфликтогенной информации в [Хазимуллина 2017]).

Подобные факты как нельзя лучше демонстрируют известный тезис о том, что информативность текста является относительным свойством и степень его информативности / интерпретируемости зависит от воспринимающего субъекта [Дридзе 1976: 35; Валгина 2004: 231], в т. ч. эксперта, выполняющего лингвистический анализ. С одной стороны, «текст предстает как система языковых средств, структур, форм, объединенных коммуникативной стратегией отправителя, закладывающего в текстовую ткань разного рода сигналы, влияющие на адресата, направляющие его восприятие и управляющие им», с другой — реципиент имеет «собственные фоновые знания, заставляющие по-разному (вариативно!) «мерцать» те или иные текстовые смыслы, заложенные в тексты и актуализированные так или иначе субъектом речи» [Чернявская 2014: 27–28]. При этом интерпретация может считаться верной «лишь тогда, когда реципиент толкует основную идею (цель) сообщения в соответствии с замыслом коммуникатора» [Дридзе 1976: 36].

5. Выводы

Эксперты-филологи, как правило, имеют широкое гуманитарное образование, подразумевающее знание культурологии, психологии, социологии, политологии, философии, мировой истории, истории религий, искусства и мн. др., помогающее им профессионально декодировать многослойное содержание самых разнообразных текстов. Однако именно лингвоэкспертная компетенция, постепенно накапливаемая в опыте изучения спорного материала, позволяет им достигать все большей глубины понимания намеренно вуалируемого конфликтогенного содержания — с опорой на макроконтекст, целостный социально-политический дискурс, знание идеологии конкретных экстремистских и террористических организаций. Данный факт необходимо учитывать как при формулировании требований к лингвистической экспертизе, так и при оценке ее результатов.

Литература

- Анисимова 2016 — А. Т. Анисимова. Риторика и лингвистика текста // Научный вестник Южного института менеджмента. 2016. № 2. С. 56–61.
- Ахманова, Гюббенет 1977 — О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.
- Бабенко 2004 — Л. Г. Бабенко. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.
- Баранов 2013 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта; Наука, 2013.
- Батюшкина 2016 — М. В. Батюшкина. Лингвистическая и правовая модели классификации лингвистических экспертиз // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 222–230.
- Бельчиков и др. 2010 — Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М.: Информкнига, 2010.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2009.
- Валгина 2004 — Н. С. Валгина. Теория текста. М.: Логос, 2004.
- Галяшина 2006 — Е. И. Галяшина. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М.: Юридический Мир, 2006.

- Громова 2018 — Н. С. Громова. «Вербальный экстремизм» и «язык ненависти» в контексте юрислингвистического функционирования: опыт терминологического анализа // Вестник Костромского гос. ун-та. 2018. № 2. С. 248–252.
- Доминикан 2017 — А. И. Доминикан. Виды контекстов при разных научных подходах // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Филология». 2017. № 4. С. 125–131.
- Дридзе 1976 — Т. М. Дридзе. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев (ред.). Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976. С. 34–45.
- Звегинцев 2001 — В. А. Звегинцев. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Иссерс, Орлова 2017 — О. С. Иссерс, Н. В. Орлова. Лингвистические корреляты понятия «вовлечение в экстремистскую деятельность» // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 132–136.
- Исследование и экспертиза экстремистских материалов 2011 — Л. В. Савинов (ред.). Исследование и экспертиза экстремистских материалов. Новосибирск: Издательство СибАГС, 2011.
- Ключникова 2017 — Е. Л. Ключникова. Семантика языковых единиц различных уровней. Юрислингвистический термин // Современный взгляд на будущее науки: приоритетные направления и инструменты развития. СПб.: КультИнформПресс, 2017. С. 167–170.
- Коломейцева 2012 — Е. М. Коломейцева. Инвариантность подтекста в психологической прозе (электронный документ) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 3 (58). С. 67–70. Тамбов: Грамота, 2012 (электронный документ). URL: www.gramota.net/materials/1/2012/3/22.html (дата обращения 27.05.2019).
- Колшанский 1980 — Г. В. Колшанский. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
- Михальская 2018 — М. В. Михальская. Идеологема как элемент глобального вертикального контекста (электронный документ) // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. 2018. № 2. URL: <https://bookonlime.ru/lecture/10-ideologema-kak-element-globalnogo-vertikalnogo-konteksta-0> (дата обращения 27.05.2019).
- Мишланов 2012 — В. А. Мишланов. Законодательство РФ об экстремизме и задачи лингвистической экспертизы текстов // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19). С. 62–69.
- Мишланов, Салимовский 2015 — В. А. Мишланов, В. А. Салимовский. Современный церковно-религиозный дискурс в аспекте проблем судебной лингвистики // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. № 2 (30). С. 84–96.

- Мощанская 2014 — Е. Ю. Мощанская. Роль невербального контекста в восприятии и понимании устного дискурса // Вестник Пермского нац. иссл. политех. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 9. С. 29–36.
- Мыркин 1978 — В. Я. Мыркин. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. 1978. № 1. С. 95–100.
- Осадчий 2016 — М. А. Осадчий. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.
- Падучева 2002 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- Постановление 2011 — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (электронный документ). URL: <https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (дата обращения 27.05.2019).
- Резепин 2015 — А. В. Резепин. Психолого-лингвистический анализ продуктов коммуникативной деятельности по делам о религиозном экстремизме // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 3 (6). С. 76–82.
- Роммевейт 1972 — Р. Роммевейт. Слова, значения и сообщения // А. А. Леонтьев, Л. В. Сахарный (ред.). Психолингвистика за рубежом. М.: Наука, 1972. С. 53–87.
- Теоретические и методические основы 2011 — О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011 (электронный документ). URL: <http://www.rusexpert.ru/public/guild/6.pdf> (дата обращения 27.05.2019).
- Хазимуллина 2016 — Е. Е. Хазимуллина. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII. Ч. 3. С. 453–469.
- Хазимуллина 2017 — Е. Е. Хазимуллина. О механизме речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Идеология терроризма: пропаганда и контрпропаганда. Современные вызовы. Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции (2 ноября 2017 г.). Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2017. С. 129–137.
- Черезова 1985 — Т. Л. Черезова. О сопоставительном изучении вертикального контекста художественных произведений (на материале творчества Энтони Троллопа и Ч. П. Сноу). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. МГУ. М., 1985.

- Чернявская 2014 — В. Е. Чернявская. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Ленанд, 2014.
- Чубина 2016 — Е. А. Чубина. Судебная лингвистическая экспертиза рекламного текста: компетенция эксперта // О. В. Барабаш, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова (ред.). Язык. Право. Общество. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2016. С. 173–176.
- Экстремистский текст 2014 — Экстремистский текст 2014 — Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, Ю. Р. Тагильцева, А. А. Карапетян. Экстремистский текст и деструктивная личность. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2014.
- Юрислингвистика-2 2000 — Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000.
- Юрислингвистика-9 2008 — Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008.
- van Dijk 2000 — T. A. van Dijk. Ideology and discourse. A Multidisciplinary Introduction. English version of an internet course for the Universitat Obrerta de Catalunya (UOC). July 2000. Available at: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (accessed on 27.05.2019).
- van Dijk 2014 — T. A. van Dijk. Discourse-Cognition-Society. Current State and Prospects of the Socio-Cognitive Approach to Discourse // Ch. Hart and P. Cap (eds.). Contemporary Critical Discourse Studies. London: Bloomsbury, 2014. P. 121–146.
- Halliday 1985 — M. A. K. Halliday. Systemic background // J. D. Benson and W. S. Greaves (eds.). Systemic Perspective on Discourse. Vol. 1: Selected Theoretical Papers from the Ninth International Systemic Workshop, (Advances in Discourse Processes 15). Ablex: Ablex Publishing, P. 1–15. Reprinted: M.A.K. Halliday and J. Webster. On Language and Linguistics. Collected Works of M. A. K. Halliday. Vol. 3. London: Continuum, 2003. P. 185–198.

References

- Akhmanova, Gyubbenet 1977 — O. S. Akhmanova, I. V. Gyubbenet. «Vertikalnyy kontekst» kak filologicheskaya problema [«Vertical context» as a philological problem]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1977. No. 3. P. 47–54.
- Anisimova 2016 — A. T. Anisimova. Ritorika i lingvistika teksta [Rhetoric and linguistics of text]. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta*. 2016. No. 2. P. 56–61.
- Babenco 2004 — L. G. Babenco. Filologicheskii analiz teksta: Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza [Philological analysis of the text: the

- fundamentals of the theory, principles and aspects of analysis]. Moscow: Akademicheskii proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2004.
- Baranov 2013 — A. N. Baranov. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika [Linguistic expertise of the text: theoretical foundations and practice]. Moscow: Flinta; Nauka, 2013.
- Batyushkina 2016 — M. V. Batyushkina. Lingvisticheskaya i pravovaya modeli klassifikatsii lingvisticheskikh ekspertiz [Classification of linguistic expertise: linguistic and legal models]. *Politicheskaya lingvistika*. 2016. No. 6. P. 222–230.
- Belchikov et al. 2010 — Yu. A. Belchikov, M. V. Gorbanevskiy, I. V. Zharkov. Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoy ekspertizy spornykh tekstov SMI [Methodical recommendations about questions of linguistic examination of controversial texts of media]. Moscow: Informkniga, 2010.
- Brinev 2009 — K. I. Brinev. Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza [Theoretical linguistics and judicial linguistic examination]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy Press, 2009.
- Cherezova 1985 — T. L. Cherezova. O sopostavitel'nom izuchenii vertikal'nogo konteksta khudozhestvennykh proizvedeniy (na materiale tvorchestva Entoni Trollopa i Ch. P. Snou). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [On the comparative study of the vertical context of works of art (based on the work of Anthony Trollope and C. P. Snow). Author's abstract of a phil. cand. diss., Moscow State University]. Moscow, 1985.
- Chernyavskaya 2014 — V. E. Chernyavskaya. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Text linguistics. Discourse Linguistics]. Moscow: Lenand, 2014.
- Chubina 2016 — E. A. Chubina. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza reklam'nogo teksta: kompetentsiya eksperta [Forensic examination of language of advertising: expert competence]. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova (eds). *Yazyk. Pravo. Obshchestvo* [Language. Law. Society]. Penza: Penza State University Press, 2016. P. 173–176.
- van Dijk 2000 — T. A. van Dijk. Ideology and discourse. A Multidisciplinary Introduction. English version of an internet course for the Universitat Obrerta de Catalunya (UOC). July 2000. Available at: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (accessed on 27.05.2019).
- van Dijk 2014 — T. A. van Dijk. Discourse-Cognition-Society. Current State and Prospects of the Socio-Cognitive Approach to Discourse. Ch. Hart and P. Cap (eds.) *Contemporary Critical Discourse Studies*. London: Bloomsbury, 2014. P. 121–146.
- Dominikan 2017 — A. I. Dominikan. Vidy kontekstov pri raznykh nauchnykh podkhodakh [Types of contexts according to different scientific approaches]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2017. No. 4. P. 125–131.

- Dridze 1976 — Т. М. Dridze. Interpretatsionnye kharakteristiki i klassifikatsiya tekstov (s uchedom spetsifiki interpretatsionnykh sdvigov) [The properties of interpreting and the classification of texts (in furtherance of specific interpreting change)]. T. M. Dridze, A. A. Leont'ev (eds.). *Smyslovoye vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Meaning perception of speech messages (in terms of mass communication)]. Moscow: Nauka, 1976. P. 34–45.
- Galyashina 2006 — E. I. Galyashina. Lingvistika vs ekstremizma: V pomoshch sudyam, sledovatelyam, ekspertam [Linguistics vs extremism: To help the judges, investigators, experts]. Moscow: Yuridicheskiy Mir, 2006.
- Gromova 2018 — N. S. Gromova. «Verbalnyy ekstremizm» i «yazyk nenavisti» v kontekste yurislingvisticheskogo funktsionirovaniya: opyt terminologicheskogo analiza [«Verbal extremism» and «hate speech» in the context of juridical linguistics functioning: the experience of the terminological analysis]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. No. 2. P. 248–252.
- Halliday 1985 — M. A. K. Halliday. Systemic background. J. D. Benson and W. S. Greaves (eds.). *Systemic Perspective on Discourse*. Vol. 1: Selected Theoretical Papers from the Ninth International Systemic Workshop, (Advances in Discourse Processes 15). Ablex: Ablex Publishing, P. 1–15. Reprinted: M.A.K. Halliday and J. Webster. *On Language and Linguistics. Collected Works of M. A. K. Halliday*. Vol. 3. London: Continuum, 2003. P. 185–198.
- Issers, Orlova 2017 — O. S. Issers, N. V. Orlova. Lingvisticheskie korrelyaty ponyatiya «vovlechenie v ekstremistskuyu deyatelnost» [Linguistic correlates of the concept «engagement in extremist activity»]. *Politicheskaya lingvistika*. 2017. No. 3 (63). P. 132–136.
- Issledovanie i ekspertiza ekstremistskikh materialov 2011 — L. V. Savinov (ed.). Issledovanie i ekspertiza ekstremistskikh materialov [Extremist materials research and examination]. Novosibirsk: Siberian Academy of Public Service Press, 2011.
- Khazimullina 2016 — E. E. Khazimullina. Mekhanizm rechevogo vovlecheniya v deyatelnost yekstremistskikh organizatsiy [Mechanism of speech involvement by extremist organizations]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2016. Vol. XII. Pt. 3. P. 453–469.
- Khazimullina 2017 — E. E. Khazimullina. O mekhanizme rechevogo vovlecheniya v deyatelnost ekstremistskikh organizatsiy [About the mechanism of speech involvement by extremist organizations]. *Ideologiya terrorizma: propaganda i kontrpropaganda. Sovremennye vyzovy. Materialy IV Mezhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (2 noyabrya 2017 g.)* [The ideology of terrorism: propaganda and counter-propaganda. Modern challenges. Information materials of the 4th Interregional Scientific and Practical Conference (November 2, 2017)]. Makhachkala: Publishing House «Dagestan», 2017. P. 129–137.
- Klyuchnikova 2017 — E. L. Klyuchnikova. Semantika yazykovykh yedinit razlichnykh urovney. Yurislingvisticheskiy termin [Semantics of language

- units at different levels. The term of Juridical linguistics]. *Sovremennyy vzglyad na budushchee nauki: prioritnyye napravleniya i instrumenty razvitiya* [Modern view on the future of science: priorities and development tools]. St. Petersburg: KultInformPress, 2017. P. 167–170.
- Kolomeytseva 2012 — E. M. Kolomeytseva. Invariantnost podteksta v psikhologicheskoy proze [Invariance of the subtext in psychological prose] (electronic document). *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2012. No. 3 (58). P. 67–70. Available at: www.gramota.net/materials/1/2012/3/22.html (accessed on 27.05.2019).
- Kolshanskiy 1980 — G. V. Kolshanskiy. Kontekstnaya semantika [Contextual semantics]. Moscow: Nauka, 1980.
- Mikhalskaya 2018 — M. V. Mikhalskaya. Ideologema kak element globalnogo vertikalnogo konteksta [On ideologically-bound units as integral elements of global vertical context] (electronic document). *Yazyk. Kultura. Pervod. Kommunikatsiya*. 2018. No. 2. Available at: <https://bookonlime.ru/lecture/10-ideologema-kak-element-globalnogo-vertikalnogo-konteksta-0> (accessed on 27.05.2019).
- Mishlanov 2012 — V. A. Mishlanov. Zakonodatelstvo RF ob ekstremizme i zadachi lingvisticheskoy ekspertizy tekstov [Legislation of the Russian Federation on extremism and tasks of linguistic expertise of texts]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2012. No. 3 (19). P. 62–69.
- Mishlanov, Salimovskiy 2015 — V. A. Mishlanov, V. A. Salimovskiy. Sovremennyy tserkovno-religioznyy diskurs v aspekte problem sudebnoy lingvistiki [Modern clerical and religious discourse in terms of forensic linguistics issues]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2015. No. 2 (30). P. 84–96.
- Moshchanskaya 2014 — E. Yu. Moshchanskaya. Rol neverbalnogo konteksta v vospriyatii i ponimaniy ustnogo diskursa [Role of a nonverbal context in perception and understanding of oral discourse]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 2014. No. 9. P. 29–36.
- Myrkin 1978 — V. Ya. Myrkin. Tipy kontekstov. Kommunikativnyy kontekst [Types of contexts. Communicative context]. *Filologicheskie nauki*. 1978. No. 1. P. 95–100.
- Osadchiy 2016 — M. A. Osadchiy. Russkiy yazyk na grani prava: Funktsionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyakh pravovoy reglamentatsii rechi [Russian language on the verge of law: The functioning of the modern Russian language in terms of the legal regulation of speech]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2016.
- Paducheva 2002 — E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i yego sootnesennost s deystvitel'nostyu (referentsialnye aspekty semantiki mestoimeniy) [The statement

- and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Editorial URSS, 2002.
- Postanovlenie 2011 — Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 28 iyunya 2011 g. No. 11 g. Moskva «O sudebnoy praktike po ugovolnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 Moscow «About judiciary practice on criminal cases about crimes of an extremist orientation»]. Available at: <https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (accessed on 27.05.2019).
- Rezepin 2015 — A. V. Rezepin. Psikhologo-lingvisticheskiy analiz produktov kommunikativnoy deyatelnosti po delam o religioznom ekstremizme [Psychological-and-linguistic analysis of communicative activity products in religious extremism cases]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2015. No. 3 (6). P. 76–82.
- Rommetveyt 1972 — R. Rommetveyt. Slova, znacheniya i soobshcheniya [Words, Meanings and Messages]. A. A. Leontyev, L. V. Sakharnyy (eds.). *Psikholingvistika za rubezhom*. [Psycholinguistics abroad]. Moscow: Nauka, 1972. P. 53–87.
- Teoreticheskiye i metodicheskiye osnovy 2011 — O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. Teoreticheskie i metodicheskiye osnovy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviyem ekstremizmu. [Theoretical and methodological foundations of psychological and forensic linguistic examination on matters related to counter extremism] (electronic document). Moscow: Russian Federal Center of Forensic Science under the Ministry of Law of the Russian Federation, 2011. Available at: <http://www.rusexpert.ru/public/guid/6.pdf> (accessed on 27.05.2019).
- Valgina 2004 — N. S. Valgina. Teoriya teksta [Theory of the text]. Moscow: Logos, 2004.
- Ekstremistskiy tekst 2014 — Yu. A. Antonova, L.E. Vesnina, M. B. Voroshilova, K. V. Zlokazov, Yu. R. Tagiltseva, A. A. Karapetyan. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost [Extremist text and destructive personality]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press, 2014.
- Yurilingvistika-2 2000 — N. D. Golev (ed.). Yurilingvistika-2: russkiy yazyk v yego yestestvennom i yuridicheskom bytii [Juridical linguistics-2. Russian Language in its natural and legal being]. Barnaul: Altai State University Press, 2000.
- Yurilingvistika-9 2008 — N. D. Golev (ed.). Yurilingvistika-9: Istina v yazyke i prave. [Juridical linguistics-9: The truth in language and law]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University Press, 2008.
- Zvegintsev 2001 — V. A. Zvegintsev. Predlozhenie i yego otnoshenie k yazyku i rechi [Sentence and its relation to language and speech]. Moscow: Editorial URSS, 2001.